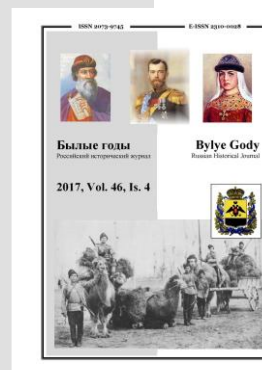

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1357-1365, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1357
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1:392:393.05

Ethnographic Researches of Ecological Culture of the Peoples of the Volga region in the XIX – early XX centuries

Larisa Y. Lepeshkina ^{a, *}

^a Volga Region State University of Service, Russian Federation

Abstract

The ethnographic researches of ecological culture of the peoples of the Volga region, which were realized in the XIX – early XX centuries, are briefly characterized in the article. The emphasis in these researches is placed on a role of such natural objects as water, trees, earth, animals and birds in the traditional worldview of the natives of the Volga region. The crisis processes in a regional ecosystem and the increasing demand to develop technologies of rational use of natural resources cause the importance of studying of ecological culture' history in the Volga region. The analysis of primary sources of the XIX – early XX centuries will allow to systematize data on experience of communication of the person with the nature that can be successfully used at the present time. The problem of the research is that the diaries, travel essays and publications about ecological views of inhabitants of the Volga region have a separate character and demand generalization. Historical sources from capital and regional archives, the published works of local historians and ethnographers of the XIX – early XX centuries have become an empirical basis for the article. The study rests on the system approach allowing to reveal the cultural potential of traditions in the Volga region. In addition, the following methodological procedures are used in the paper: the principle of historicism, comparative-historical, logical, retrospective and problem-chronological methods. The scientific novelty of the research is that an attempt to systematize historical experience of studying of ecological views in the Volga region is made for the first time. The theoretical significance of the article is in determination of ethnic features of ecological culture in the Volga region. On the practical level the results of this research can be used for preparation of programmes for saving of cultural heritage in the Volga region and also in teaching activity.

Keywords: ecological culture, traditional culture, the peoples of the Volga region, ethnographic researches, nature, rational use of natural resources, sacrifice.

1. Введение

В современной мировой науке проблема отношения общества к природе стала предметом пристального внимания. Это, в первую очередь, связано с усилением экологического кризиса в конце XX века. Откликаясь на потребности окружающего мира, научное сообщество выдвигает варианты выхода из кризисной ситуации. Причем освещение означенной проблемы происходит в русле различных наук: экологии, права, истории, культурологии, философии, что свидетельствует о ее важности для всего человечества. Актуальность изучения экологических взглядов народов Поволжья обусловлена следующей причиной: сущность экологической культуры населения региона определяется теми духовными ценностями, которые формировались исторически и составляют морально-нравственный фундамент отношений людей с природой. Изменения, происходившие в окружающем мире благодаря активной индустриализации, стали настолько значительны и серьезны, что сегодня возникает вопрос о безопасности дальнейшего существования человечества и всего

* Corresponding author

E-mail addresses: lara_yura@list.ru (L.Y. Lepeshkina)

живого на планете. На протяжении многих лет человек все сильнее отдалялся от природы, превращаясь из ее союзника в антагониста, и теперь, когда уровень угрозы для него существенно возрос, он задумался о способах выхода из экологического кризиса. Ключевой особенностью современного экологического кризиса является то, что он есть порождение кризиса мировоззренческого, поскольку именно мировоззрение и морально-нравственные ориентиры людей направляют человеческую деятельность либо на созидание, либо на разрушение. Обращение к истории изучения экологической культуры народов Поволжья в XIX – начале XX вв. позволит систематизировать сведения о роли человека в региональной экосистеме, об опыте общения его с природой, что может быть успешно использовано в настоящее время.

Проблема исследования состоит в том, что дневники, путевые заметки и публикации об экологических взглядах жителей Поволжского региона носят разрозненный характер и требуют обобщения. Необходимость такого обобщения продиктована стремлением дать определение экологической культуры и выявить ее особенности в Поволжье XIX – начала XX вв.

Объектом данной статьи является Поволжский регион как полиэтническая и поликонфессиональная среда, где основное население составляют русские, мордва, марийцы, удмурты, чуваша, татары, башкиры и немцы. Предметом анализа выступает историография экологической культуры народов Поволжья, которая формировалась в XIX – начале XX вв.

Обозначенный исторический период выбран потому, что он наиболее показателен с точки зрения отражения глубины отношений между человеком и природой. При изучении Поволжья доминировал этнографический интерес, и природа представлялась в качестве неотъемлемой части традиционной культуры.

Целью данной статьи является характеристика этнографических материалов XIX – начала XX вв. об экологической культуре народов Поволжья. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка систематизировать исторический опыт изучения экологических взглядов волжан. При этом следует учитывать ограниченность объема статьи, который не позволяет охватить все работы, затрагивающие экологический аспект в традиционной культуре региона.

2. Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу статьи составляет совокупность идей, относящихся к философии культуры и этнологии. Большое значение в осмыслении опубликованных и неопубликованных источников об экологической культуре народов Поволжья имеют исследования классиков антропологической и философской науки: И. Канта, А. Швейцера, Л. Леви-Брюля и К. Леви-Стросса. Отдельного внимания заслуживают труды норвежского экофилософа А. Несса, развивающего концепцию глубинной экологии. В частности, центральное место в теории ученого занимают вопросы о ценности жизни и месте человека в природной среде.

Материалами для статьи стали очерки, дневники и записки местных краеведов и этнографов, которые хранятся в архивных фондах Российского этнографического музея (РЭМ), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО).

Методы исследования базируются на основополагающем принципе историзма, который позволяет изучить генезис экологической культуры Поволжья. Важную роль в статье играет системный подход, предполагающий рассмотрение экологической культуры региона как целостной системы, тесно связанной с другими системами природного и социального характера и включающей такие элементы, как этнические (национальные) традиции и экологическое сознание. Данный подход делает возможным увидеть, по какой траектории будет развиваться изучаемая система, как на нее могут повлиять социальные преобразования, насколько она устойчива в кризисных ситуациях (при стремлении людей отказаться от этнических или национальных ценностей, при потере нравственных ориентиров и т.д.).

Кроме того, в статье используются классические методы научного исследования: сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, проблемно-хронологический и др.

3. Обсуждение

В трудах иностранных философов, антропологов, этнологов экологическая культура становилась предметом исследования начиная с XVIII века. Так, И. Кант опосредованно писал о ней: «В отношении живой, хотя и лишенной разума, части тварей насильственное и вместе с тем жестокое обращение с животными еще более противно долгу человека перед самим собой, так как препятствуется сочувствие человека к их страданиям, ослабляются и постепенно уничтожаются естественные задатки, очень полезные для моральности в отношениях с другими людьми» (Кант, 1965: 382). Следовательно, проявление насилия к природе интерпретировалось Кантом в негативном ключе, как нечто дискредитирующее нравственное начало в человеке.

Особый интерес в определении экологической культуры вызывает этика благоговения перед жизнью, разработанная А. Швейцером. Причем вопрос о взаимоотношениях человечества и природы

решается с позиции свободы: быть «в состоянии помочь жизни и отвести от нее страдание и разрушение» – это и есть признак свободной личности (Швейцер, 1990: 342).

Большую роль в осмыслении экологической культуры сыграло исследование Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении». Его автор констатирует, что первобытный человек воспринимал природу в качестве места обитания «духов, сверхъестественных и невидимых существ», помещенных «совсем близко от мира людей» (Леви-Брюль, 1994: 390-391). В этой связи пренебрежительное отношение к природной среде означало игнорирование сверхъестественного мира.

Французский этнолог К. Леви-Стросс утверждал, что традиционные общества обладают развитым логическим мышлением. К примеру, в своей книге «Первобытное мышление» ученый отмечал: «Разум не может оставаться пассивным, сталкиваясь с технологическими и экономическими условиями, связанными с природным окружением. Он не просто отражает эти условия; он реагирует на них и претворяет их в логическую систему. К тому же разум не только реагирует непосредственно на окружающие условия, но также отдает себе отчет в том, что существуют различные природные среды, на которые обитатели их реагируют по-своему. Все эти среды интегрируются в идеологические системы...» (Леви-Стросс, 1994: 345). Существование человека в конкретной природной среде в соответствии с традиционными представлениями было подчинено различным ментальным ограничителям, которые приводили к обожествлению природы и порождению мифов.

В современной экофилософии привлекают внимание принципы Арне Несса, которые сводятся к следующему: все живое в мире ценно, но даже неживые объекты – реки, горы – имеют внутреннюю ценность. Причем внутренняя ценность абсолютна. Для позитивного изменения своего отношения к миру человек должен духовно совершенствоваться (Шмелева, 2010: 113).

Упомянутые высказывания известных представителей философской науки отражают духовный мир традиционного общества, каким было Поволжье в XIX – начале XX вв. Безусловно, утверждать о доминирующей роли природного фактора в жизни региона возможно, если непосредственно обратиться к результатам исследования местных краеведов и этнографов.

Необходимо подчеркнуть, что с 1970-х гг. начинается «экологизация» гуманитарных и общественных наук, в отечественной этнографии формируется новая научная дисциплина – этноэкология (Корнишина, 2008: 3). По сути, это предполагает поворот в научных исследованиях к «реабилитации» обычаев и традиционных способов жизнеобеспечения волжан в природных условиях их обитания. Начинает переиздаваться краеведческая литература XIX – начала XX вв. таких авторов, как М.А. Машанов, Д. Месарош, Н.В. Никольский, М.Е. Евсеев и др.

В журнале «Советская этнография» (СЭ) публикуются статьи о культуре народов Поволжья, авторы которых становятся менее категоричными в своих высказываниях и опираются на труды исследователей прошлого: П.В. Денисов «Этнографическое изучение чувашского народа за годы советской власти» (СЭ, 1971, №6, С. 28-37), Е.П. Бусыгин, В.И. Яковлев «Гусли у поволжских народов» (СЭ, 1985, №2, С.109-116), И.Ф. Шакирова «Дикорастущие растения в традиционном питании башкир» (СЭ, 1988, №3, С. 99-109) и др. Благодаря этим публикациям различные традиции «общения» жителей региона с природой рассматриваются в качестве культурного ресурса, необходимого для решения экологических проблем.

Интерес к экологической культуре народов Поволжья возрастает в 1990–2000-е гг. В частности, целесообразно назвать исследования В.А. Балашова о бытовой культуре мордвы, Н.Ф. Беляевой об экологических функциях религиозно-мифологических представлений мордвы, Т.И. Ведерниковой об обряде вызывания дождя в Самарской области, Е.В. Владыкина о религиозно-мифологической картине мира удмуртов, А.К. Салмина об обрядности чувашей, в том числе с использованием различных растений и животных, Р.П. Четкаревой о природе, здоровье и табу народа мари, Г.А. Корнишиной об экологических воззрениях мордвы, А.Ф. Илимбетовой и Ф.Ф. Илимбетова о культе животных у башкир, З.Р. Валиуллиной о сущности и духовных императивах экологической традиции башкир. В своих трудах упомянутые авторы опираются на этнографические исследования, проведенные в Поволжье в XIX – начале XX вв. В настоящее время прошлый опыт изучения региона требует обобщения для лучшего понимания экологических взглядов волжан.

4. Результаты

Вопросы, касавшиеся взаимодействия человека и природы в Поволжском регионе, освещались, как правило, опосредованно в этнографических работах XIX – начала XX вв. Поэтому основная трудность в анализе экологической культуры волжан состоит в отборе черт, характеризовавших отношение людей к природной среде. Немаловажное значение здесь имеют публикации отечественных и зарубежных историков и этнографов: В.К. Магницкого, Д. Месароша, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, Б. Гаврилова, С.В. Чичериной, Н.И. Ашмарина, Я.Д. Коблова, И.М. Катаева, И.Н. Смирнова, С.К. Кузнецова и др. Результаты исследований указанных авторов свидетельствуют о зависимости человека и всей традиционной культуры от сил природы. Причем последняя нередко интерпретируется как мать, божество и член родовой общины.

Исходя из предлагаемой типологии восприятия природы в Поволжье (мать, божество, член общины) внимание этнографов сосредотачивалось на анализе образов воды, деревьев, земли,

животных и птиц в пространстве повседневности. Следует подчеркнуть, что названные природные объекты выступали важнейшими ресурсами для решения хозяйственных задач местным населением региона. Перейдем к их характеристике в этнографической литературе.

Любая водная стихия – река, озеро, пруд – в традиционной культуре волжан подвергалась мифологизации. Прежде всего это обуславливалось влиянием реки Волга на социокультурную и экономическую жизнь региона. Особое отношение к Волге инициировалось не только ее транспортным и продовольственным потенциалом, но и представлением о ней как границе, отделяющей загробный мир от мира живых людей. В связи с этим выражение «пойти за водой» ассоциировалось с «уходом в иной мир» (Зиновьев, 1987: 53). В культуре народов региона Волга наделялась антропоморфными чертами, вызывая уважение и страх. В фольклоре волжан распространен сюжет о принесении жертвы Волге. В качестве примера можно привести пересказ историком И.Н. Смирновым мордовской песни. «Едет мордвин по Волге на серебряной лодочке, гребет золотыми веслами, подъезжает к самому устью. Только бы въехал в него, но останавливается его серебряная лодка, задерживаются золотые весла...

Водяная мать, матушка!
Владычица воды серебряная! (говорит мордвин),
Отпусти ты мои золотые весельца,
Отпусти ты мою серебряную лодочку.
Чего просишь, того дам;
Чего просишь, то обещаю,
Гумно мое полно копнами,
Двор мой полон скотом.
«Не надо мне твоих копен,
Не надо мне твоего скота!»
О чем не знаешь, ты мне обещай!
О чем не знаешь, ты мне посули...
О чем не знаю, то обещаю –

отвечает мордвин-Андямо и тронулась его серебряная лодочка. Приезжает Андямо домой, выбегает к нему на встречу сын, но он не велит ребенку радоваться: «Не знал я тебя. Обещал я тебя водяной!»» (Смирнов, 1889а: 11-12). В одной песне молодец отказывается исполнять требования реки, в другой – Волга добивается от него жертвы обманом.

Кроме того, И.Н. Смирнов отмечал, что к Волге народы региона относились не только как к «матери» и «своенравному божеству», но и нередко отождествляли ее с источником потусторонних сил. Для подтверждения этого представления историк обращается к марийской сказке, в которой повествуется о том, «как девушка поехала искать своих братьев и встретила с дочерью водяного духа, как дочь водяного потребовала, чтобы девушка посадила ее с собой в тележку и пригрозила ее в противном случае съесть» (Смирнов, 1889а: 10). Очевидно, что Волга или любой другой водоем (озеро, пруд) ассоциировались у жителей региона с чем-то сверхъестественным и несущем в себе потенциальную угрозу.

Как правило, народами Поволжья совершались обряды, направленные на обеспечение богатого урожая, удачи в сельскохозяйственном году, на увеличение поголовья скота. К примеру, венгерский исследователь региона Дьюла Месарош привел в своей книге молитву низовых чувашей к духам-покровителям о хорошем приплоде и благополучной зимовке для скота:

«Тав таватӑп, пуссапатӑп,
Вьльӑхсене сывлӑхне пар хӗл кӑсма.
Урай тулли путек пултӑр,
Пӗр сакай тулли пӑру пултӑр,
Кӗсри хысӑн тихи чуптӑр,
Ӗни хысӑн пӑру чуптӑр,
Сурӑх хысӑн путек чуптӑр,
Пӗр вӗсӗ шывра пултар,
Пӗр вӗсӗ картара пултӑр».

(«Благодарю, молюсь: дай скотине доброго здоровья перезимовать. Пусть будет полная изба ягнят и телят. За кобылой пусть жеребенок бежит, за коровой теленок бежит, за овцой пусть ягнята бегут; один конец пусть у воды будет, а другой конец пусть у стойла будет») (Денисов, 1959: 153). В записях самарского священника Григория Беневоленского указывалось, что в чувашской мифологии присутствовал злой дух Хор-сорт – каратель домашнего скота, поэтому при возникновении несчастий с животными ему молились в доме (ЦГАСО. Ф. р. 558. Оп. 1. Д. 264. Л. 1).

Совершение ритуалов жертвоприношения в Поволжском регионе требовало конкретных знаний о размере и характере жертв. Каждое жертвенное животное должно было соответствовать «рангу» богов и увязываться с религиозно-мистическими представлениями волжан. Исследователь культуры татар-кряшен Б. Гаврилов в статье, опубликованной в «Известиях по Казанской епархии», приводил по этому поводу следующий пример: на годовые поминки «аш» резали корову, специально

для этого откормленную. Корову должен был зарезать ближайший родственник покойника. Ему давали полотенце, которым он обвязывал свою шапку или шляпу и, зарезав корову, оставлял его у себя. Тогда же резали несколько баранов, кур и других животных, что в итоге становилось угощением для умерших сородичей (Гаврилов, 1874: 7). Данную информацию о крещеных татарах подтверждает высказывание С.В. Чичериной в книге «У приволжских инородцев»: «... в селе Ш. приносили жертвы в овраг, резали кур, овец, ели их с языческими обрядами: раз в три года приносили в жертву коров» (НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 201. Л. 87).

Я.Д. Коблов отмечал, что среди татар-мусульман был распространен обычай вручения мулле «могильной милостыни» – гур садакасы, состоящей чаще всего из овцы, коровы, лошади (Коблов, 1908: 37). Обращаясь к обычаям татар-кряшен, Я.Д. Коблов писал о сохранении у данной этнографической группы культа Кереметья и необходимости ему принесения жертв. В частности, после уборки хлеба и овощей перед праздником Покрова крещеные татары резали в избе под столом гуся. Согласно их поверьям, кто ежегодно в день Покрова приносит гуся в жертву, того Кереметь или Бог «не наказывает ни болезнями, ни падежом скота» (Коблов, 1910: 38-39).

В историко-этнографическом очерке И.Н. Смирнова «Черемисы» (т.е. марийцы) в честь духов-вадышей, связанных с культом умерших, могли приноситься жертвы в виде вороной лошади, быка, барана, курицы, утки, петуха, свиньи, зайца, индейки, гуся, овцы, телят, глухаря (Смирнов, 1889b: 170). В описании марийских обычаев, данном священником Красноярского прихода Чебоксарского уезда Гаврилой Сироткиным, указывалось, что для задабривания злого духа Кереметья необходимо было приносить ему жертву в лесу от курицы до лошади. Если всю деревню постигало несчастье (например, неурожай или эпидемия холеры), тогда ее население отправлялось в лес, взяв с собой курицу, гуся, жеребенка и других домашних птиц и животных (АИЭА РАН. ОЛЕАЭ. Д. 75. Л. 8). Вотяки (удмурты), как описывал И.М. Катаев, совершали в честь злого духа Кереметья жертвоприношения-обманы «по случаю семейного несчастья или болезни кого-либо в доме». По указанию жреца они должны были купить какое-нибудь животное и принести его в жертву Кереметью. Но злого духа часто пытались обмануть, отдавая ему вместо жертвенного быка, например, овцу или поросенка, вместо гуся цыпленка и т.д. (Катаев, 1901: 36-37). Следовательно, И.М. Катаев обратился к такому варианту «рационального» жертвоприношения, когда наиболее ценная с точки зрения затрат на уход жертва заменяется относительно дешевыми и быстро растущими животными или птицами.

«Рациональное» жертвоприношение было характерно и для чувашей, на чём акцентировал внимание Н.В. Никольский при описании чувашских поминальных обрядов. Так, на третий день поминовения, с учетом состояния, кололи овцу, ягненка или курицу на том месте, где делался гроб для покойника (Никольский, 2004: 93). Подобное жертвоприношение не должно было негативным образом сказаться на материальном достатке семьи и рода.

В структурном плане отношение народов Поволжья к животным и птицам выражалось через бинарную оппозицию «свой» – «чужой». «Свое» – домашние скот и птица – выращивалось, приносилось в жертву богам и потреблялось ради морального и материального благополучия семьи и рода. На «чужое» – обитателей леса – накладывалось табу. Безусловно, охота как явление существовала, но применялась при избытке численности волков, лис, кабанов и их опасности для людей. В целом же неотъемлемой частью мифоритуальной традиции народов региона долгое время оставался культ волка, собаки, медведя и оленя (Илимбетова, Илимбетов, 2009). В упомянутом культе отчетливо прослеживается мысль К. Леви-Стросса о том, что запрет на потребление какого-либо «плода» природы превращает последнее в объект поклонения.

Для народов региона особый смысл имел культ деревьев. Так, для чувашей священными являлись липа (женское начало) и дуб (мужское начало), из них изготавливали юпа (намогильный столб) (Ромашкин, 1998: 93-94). Его устанавливали у изголовья могилы, и он, по сути, служил отражением образа умершего, символом связи жизни и смерти. Силен был также культ дуба у мордвы. По этому поводу И.Н. Смирнов писал: «На самый праздник Покрова или за несколько дней перед тем мордва сходилась к дубу со съестными припасами, часть которых съедалась участниками моляна, часть приносилась в жертву земле, часть в большое дупло дуба опускалась и на дерево клалась, особенно старухами, кланявшимися перед дубом; женщины и сходящиеся из прочих деревень в какой-либо печали и немощи прикладывали к дубу принесенную с собой холстину и уносили ее с собой и хранили ее на исцеление» (Смирнов, 1895: 243-244).

Заметное место в культуре волжан отводилось культу березы, особенно среди русских, чувашей и марийцев. Как отмечал известный тюрколог и востоковед Н.И. Ашмарин, в чувашской традиции сохранился образ ама хурӑн – березы-матери, «низенькой, развесистой, ветвистой и кудрявой» (Ашмарин, 1928: 192). Из списка языческих богов, размещенных в книге В.К. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры», выделяется божество Ҷуратакан-Хурӑн – Береза-Родильница, персонифицированное воплощение толстого и развесистого дерева на берегу оврага. К ней перед родами приходили женщины и просили: «Береза-родильница, не оставь меня! Этого младенца родить облегчение дай!» (Магницкий, 1881: 82-83).

В традиционной культуре луговых марийцев культ деревьев сильнее всего выражался через священные рощи (юмо-пумаш, юмон-ото, кюс-ото), занимавшими более 20 десятин земли. Согласно

отчету И.Н. Смирнова об этнографической экскурсии в Казанскую, Уфимскую и Самарскую губернии летом 1902 года, дерево служит необходимым посредником между человеком, божеством, если не является самим воплощением божества. В священных рощах «религиозное чувство торжествует... над утилитарными стремлениями и охраняет неприкосновенность священных деревьев. Внутренний вид священных рощ – деревья, опоясанные лыком, обогранным первой струей крови жертвенного животного, с гадательными фигурками из олова, которые при помощи его прикреплены к древесным стволам, остатки костров, неподалеку от корней – так же красноречиво свидетельствуют о важной роли дерева в черемисском языческом культе» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 599. Л. 15).

Если в традиционной культуре марийцев были распространены различные жертвоприношения в священных рощах, то представители марийской секты «Куту-сорта» поклонялись единому Всевышнему Богу (монотеистическая черта) и отрицали жертвоприношение животных. С.К. Кузнецов писал, что кутусортинцы остерегались старых языческих рощ «как оскверненных... пролитием жертвенной крови; они выбирали в лесу новые «чистые» места для своих жертвоприношений, которые огораживали высокой загородкой с воротами» (Кузнецов, 1909: 35). В центре рощи (куэрля) устраивалась площадка, где находилось два дерева: береза (куэ) и липа (пистэ). Только эти деревья кутусортинцы считали священными, способными привлечь Божество во время моления, но береза располагалась выше липы и посвящалась самому Великому Богу, а липа – его жене (Кузнецов, 1909: 35-36).

Почитание деревьев в Поволжье было тесным образом связано с культом земли, если верить этнографическим источникам XIX – начала XX вв. Так, у В.К. Магницкого находим, что чуваша, чтобы дать земле отдохнуть от полевых работ, обозначили в своем традиционном календаре период под названием «синьзэ». Он длился две недели, начинался со времени появления цвета на озимых культурах и кончался перед паровой пашней. О времени наступления синьзэ жители селений оповещались особыми выборными людьми, которые рано утром обходили все дома и отбирали подозрительные предметы, способные возделывать землю (Магницкий, 1881: 34-36). Земля, отмечал Г. Комиссаров, в течение синьзэ считалась беременной, потому нельзя было ни копать ее, ни бить по ней, ни бросать на нее тяжести (МАЭ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 35).

У марийцев существовал подобный период запретов под названием «синкса». Нарушителей запретов привлекали к суду, если по их вине возникал неурожай или пожар, и строго наказывали (Магницкий, 1881: 36).

Немало молений и коллективных жертвоприношений в честь земли осуществлялось волжанами в XIX веке. В частности, в культуре удмуртов выделяется жертвоприношение Му-Кылчину или Му-Кыллысину, божеству земли. От него зависело избавление растений от червя, засухи, сорных трав, поэтому он постоянно нуждался в «задабривании» со стороны людей (МАЭ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 37). По этому поводу исследователь удмуртской культуры Н. Блинов писал: «По общему отзыву вотяков Му-Кыллысин землей управляет, или же он сам земля. Не бог родит хлеб, а Му-Кыллысин» (Блинов, 1898: 30). Следовательно, обожествление земли или любого другого природного объекта приводило к формированию такой картины мира, где не существовало возможностей для проявления человеческой воли.

Необходимо обратить внимание на то, что многие исследования XIX – начала XX вв., посвященные традиционной культуре волжан, показывают, что человек был неотделим от природной среды, поэтому принцип «благоговения» перед ее законами превращался в лейтмотив бытия в данный исторический период.

5. Заключение

Обращение к результатам этнографического изучения Поволжья в XIX – начале XX вв. позволяет выделить некоторые этнические особенности экологической культуры региона:

- природа исторически воспринималась как безусловная ценность;
- человек умел приспосабливаться к природной среде, представляя ее в трех ипостасях: мать, божество и член родовой общины;
- природопользование в соответствии с традиционными ценностями волжан носило рациональный характер, поскольку повседневная культура народов региона изначально выстраивалась на основе различных духовных и материальных ограничений.

Часть из выделенных особенностей не теряет своей актуальности в настоящее время, поскольку гармоничное существование современного и будущего человека во многом зависит от его умения эффективно использовать опыт предыдущих поколений.

6. Благодарности

Исследование выполнено на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых в рамках научно-исследовательского проекта № МК-3253.2017.6 «Эколого-правовая культура Поволжья: прошлое и настоящее».

Литература

- АИЭА РАН** – Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.
- Ашмарин, 1928** – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. I. Народный комиссариат по просвещению Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Казань, 1928. 335 с.
- Блинов, 1898** – *Блинов Н.Н.* Языческий культ вотяков. Вятка: Губерн. Тип., 1898. 103 с.
- Гаврилов, 1874** – *Гаврилов Б.* Погребальные обычаи и поверья старо-крещеных татар деревни Никифоровой Казанской губернии Мамадышского уезда // Отдельный оттиск из «Известий по Казанской епархии». 1874. № 9. 11 с.
- Денисов, 1959** – *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 408 с.
- Зиновьев, 1987** – *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Отв. ред. канд. филол. наук Р.П. Матвеева. Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1987. 402 с.
- Илимбетова, Илимбетов, 2009** – *Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф.* Культ животных у башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 306 с.
- Кант, 1965** – *Кант И.* Соч.: в 6 т. / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
- Катаев, 1901** – Вотяки. Состав. И.М. Катаев. М.: Издание книжного магазина торгового дома С. Куприн и К°, 1901. 46 с.
- Коблов, 1908** – *Коблов Я.Д.* Религиозные обряды и обычаи татар магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1908. 50 с.
- Коблов, 1910** – *Коблов Я.Д.* Мифология казанских татар. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. 50 с.
- Корнишина, 2008** – *Корнишина Г.А.* Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.
- Кузнецов, 1909** – *Кузнецов С.К.* Черемисская секта кугу сорта. Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909. 59 с.
- Леви-Брюль, 1994** – *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
- Леви-Стросс, 1994** – *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Магницкий, 1881** – *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Типография Императорского Университета, 1881. 268 с.
- МАЭ РАН** – Научный архив ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- НАРТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Никольский, 2004** – *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 526 с.
- Ромашкин, 1998** – *Ромашкин В.Ф.* Чуваша Симбирского Поволжья: (Расселение, состав, этногенез, культура, религия) / В.Ф. Ромашкин, В.Н. Федоров, Л.П. Шабалина. Ульяновск: Симбирская книга, 1998. 168 с.
- РЭМ** – Российский этнографический музей.
- Смирнов, 1889а** – *Смирнов И.Н.* Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов (Публичная лекция, читанная 31 марта 1889 г. в пользу Общества Археологии, Истории и Этнографии). Казань: Типография «Казанского Биржевого Листка», 1889. 13 с.
- Смирнов, 1889б** – *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского Университета, 1889. 212 с.
- Смирнов, 1895** – *Смирнов И.Н.* Мордва (Историко-этнографический очерк). Казань: Типография Императорского Университета, 1895. 310 с.
- ЦГАСО** – Центральный государственный архив Самарской области.
- Швейцер, 1990** – *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью как основа миро- и жизнеутверждения // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 328-350.
- Шмелева, 2010** – *Шмелева И.А.* Проблема взаимодействия человека с окружающей средой: области и аспекты психологического исследования // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2010. № 3. С. 105-119.

References

- AIEA RAN** – Arkhiv Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk [Archive of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences].
- Ashmarin, 1928** – *Ashmarin N.I.* (1928). Slovar' chuvashskogo yazyka. Vyp. 1. Narodnyi komissariat po prosveshcheniyu Chuvashskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki [Dictionary of the Chuvash language. Issue 1. People's commissariat for education of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. Kazan. 335 p. [in Russian].
- Blinov, 1898** – *Blinov N.N.* (1898). Yazycheskii kul't votyakov [The pagan cult of the Votyaks]. Vyatka: Gubern. Tip. 103 p. [in Russian].
- Gavrilov, 1874** – *Gavrilov B.* (1874). Pogrebal'nye obychai i pover'ya staro-kreshchenykh tatar derevni Nikiforovoi Kazanskoj gubernii Mamadyshskogo uezda [Funeral customs and beliefs of the old and christened Tatars of the Nikiforova village of the Kazan province of the Mamadyshsky County]. *The reprint from "The News of the Kazan diocese"*. Nr 9. 11 p. [in Russian].
- Denisov, 1959** – *Denisov P.V.* (1959). Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Religious beliefs of the Chuvashes. Historical-ethnographic essays]. Cheboksary: Chuvash. kn. Publ. 408 p. [in Russian].
- Zinoviev, 1987** – *Zinoviev V.P.* (1987). Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri. Otv. red. kand. filol. nauk R.P. Matveeva [Mythological stories of the Russian population of the Eastern Siberia. Executive editor Candidate of Philological Sciences R.P. Matveeva]. Novosibirsk: Nauka Publ., Siberian Branch. 402 p. [in Russian].
- Ilimbetova, Ilimbetov, 2009** – *Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F.* (2009). Kul't zhyvotnykh u bashkir: istoriya i sovremennost' [The cult of animals among the Bashkirs: history and contemporaneity]. Ufa: IYAL UNTs RAN. 306 p. [in Russian].
- Kant, 1965** – *Kant I.* (1965). Soch.: v 6 t. Pod obshchei redaktsiei V.F. Asmusa. A.V. Gulygi, T.I. Oizermana. T. 4. Ch. 2 [The writings in 6 volumes. Under the general editorship of V.F. Asmus. A.V. Gulyga, T.I. Oizermana. Vol. 4. Part 2]. Moscow: Mysl'. 478 p. [in Russian].
- Kataev, 1901** – Votyaki. Sostav. I.M. Kataev [The Votyaks. Compiled by I.M. Kataev]. Moscow: Edition of the bookstore of S. Kuprin & K° trading house. 46 p. [in Russian].
- Koblov, 1908** – *Koblov Ya.D.* (1908). Religioznye obryady i obychai tatar magometan (pri narechenii imeni novorozhdennomu, svadebnye obryady i pokhoronnye) [Religious practices and customs of the Tatars-Mohammedans (at christening of the newborn, wedding and funeral rites)]. Kazan: Typo-lithography of the Imperial university. 50 p. [in Russian].
- Koblov, 1910** – *Koblov Ya.D.* (1910). Mifologiya kazanskikh tatar [Mythology of the Kazan Tatars]. Kazan: Typo-lithography of the Imperial university. 50 p. [in Russian].
- Kornishina, 2008** – *Kornishina G.A.* (2008). Ekologicheskoe vozzrenie mordvy (religiozno-obryadovyi aspekt): monografiya [Ecological view of the Mordva (religious and ceremonial aspect): monograph]. Saransk: Mordovia University Publ. 156 p. [in Russian].
- Kuznetsov, 1909** – *Kuznetsov S.K.* (1909). Cheremisskaya sekta kugu sorta. Opyt issledovaniya religioznykh dvizhenii sredi povolzhskikh inorodtsev [The Cheremis sect kugu sorta. Experience of study of religious movements among the non-Russians of the Volga region]. Moscow: Printing house of the Imperial Moscow University. 59 p. [in Russian].
- Lévy-Bruhl, 1994** – *Lévy-Bruhl L.* (1994). Sverkhhestestvennoe v pervobytnom myshlenii [Primitives and the Supernatural]. Moscow: Pedagogika-Press. 608 p. [in Russian].
- Lévi-Strauss, 1994** – *Lévi-Strauss C.* (1994). Pervobytnoe myshlenie. Per., vstup. st. i prim. A.B. Ostrovskogo [Prelogical thinking. Translation, prolusion and notes of A.B. Ostrovsky]. Moscow: Respublika. 384 p. [in Russian].
- Magnitsky, 1881** – *Magnitsky V.K.* (1881). Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very [Materials to an explanation of the old Chuvash faith]. Kazan: Printing house of the Imperial University, 268 p. [in Russian].
- MAE RAN** – Nauchnyi arkhiv FGBUN Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN [Scientific archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences].
- NART** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National archive of the Republic of Tatarstan].
- Nikolsky, 2004** – *Nikolsky N.V.* (2004). Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 1. Trudy po etnografii i fol'kloru chuvashskogo naroda [Collected works in 4 volumes. Vol. 1. The writings about ethnography and folklore of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash. kn. Publ. 526 p. [in Russian].
- Romashkin, 1998** – *Romashkin V.F.* (1998). Chuvashi Simbirskogo Povolzh'ya: (Rasselenie, sostav, etnogenez, kul'tura, religiya) / V.F. Romashkin, V.N. Fedorov, L.P. Shabalina [The Chuvashes of the Simbirsk Volga region: (Resettlement, population composition, ethnogeny, culture, religion)]. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. 168 p. [in Russian].
- REM** – Rossiyskiy etnograficheskiy muzei [The Russian Museum of Ethnography].
- Smirnov, 1889a** – *Smirnov I.N.* (1889). Sledy chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v poezii i religioznykh obryadakh privolzhskikh finnov (Publichnaya lektsiya, chitannaya 31 marta 1889 g. v pol'zu

Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii) [Traces of human sacrifices in poetry and religious ceremonies of the Volga Finns (A public lecture, which had been read on March 31, 1889 in favor of Society for Archeology, History and Ethnography)]. Kazan: Tipografiya "Kazanskogo Birzhevogo Listka". 13 p. [in Russian].

Smirnov, 1889b – *Smirnov I.N.* (1889). Cheremisy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [The Cheremises. Historical and ethnographic sketch]. Kazan: Printing house of the Imperial University. 212 p. [in Russian].

Smirnov, 1895 – *Smirnov I.N.* (1895). Mordva (Istoriko-etnograficheskiy ocherk). [The Mordovians. Historical and ethnographic sketch]. Kazan: Printing house of the Imperial University. 310 p. [in Russian].

TsGASO – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti [Central state archive of the Samara region].

Schweitzer, 1990 – *Schweitzer A.* (1990). Blagovenie pered zhizn'yu kak osnova miro- i zhizneutverzhdeniya [Reverence for life as a basis of peace and life-affirming]. *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti* [Global problems and universal values]. Moscow: Progress. pp. 328-350 [in Russian].

Shmeleva, 2010 – *Shmeleva I.A.* (2010). Problema vzaimodeistviya cheloveka s okruzhayushchei sredoi: oblasti i aspekty psikhologicheskogo issledovaniya [The problem of human-environment interactions: areas and aspects of psychological study]. *Moscow University Psychology Bulletin*, Nr 3, pp. 105-119 [in Russian].

УДК 930.1:392:393.05

Этнографические исследования экологической культуры народов Поволжья в XIX – начале XX вв.

Лариса Юрьевна Лепешкина^{a,*}

^a Поволжский государственный университет сервиса, Российская Федерация

Аннотация. В статье кратко характеризуются этнографические исследования экологической культуры народов Поволжья, проводившиеся в XIX – начале XX вв. Акцент в данных исследованиях делается на роли в традиционной картине мира волжан таких природных объектов, как вода, деревья, земля, животные и птицы. Актуальность изучения истории экологической культуры в Поволжье обусловлена кризисными процессами в региональной экосистеме и возрастающей потребностью развивать технологии рационального природопользования. Анализ исторических источников XIX – начала XX вв. позволит систематизировать сведения об опыте общения человека с природой, что может быть успешно использовано в настоящее время. Проблема исследования состоит в том, что дневники, путевые заметки и публикации об экологических взглядах жителей Поволжского региона носят разрозненный характер и требуют обобщения. Эмпирической основой для статьи стали исторические источники из столичных и региональных архивов, изданные труды краеведов и этнографов XIX – начала XX вв. Исследование опирается на системный подход, позволяющий выявить культурный потенциал традиций волжан. В статье также используются следующие методологические приемы: принцип историзма, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка систематизировать исторический опыт изучения экологических взглядов волжан. Теоретическая значимость статьи состоит в определении этнических особенностей экологической культуры в Поволжье. В практическом отношении результаты исследования могут использоваться для подготовки программ сохранения культурного наследия в Поволжском регионе, а также в преподавательской деятельности.

Ключевые слова: экологическая культура, традиционная культура, народы Поволжья, этнографические исследования, природа, природопользование, жертвоприношение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lara_yura@list.ru (Л.Ю. Лепешкина)